

Как изменились траектории мужской социализации

В начале 1980-х годов основной пучок траекторий мужской социализации был таким: школа—армия—работа на производстве, либо: ПТУ—армия—работа на производстве. Наряду с ним существовали два побочных пучка. Один представлял собой движение по более низким статусным позициям. Это траектория школа/ПТУ—молодежная группировка—зона—работа на производстве. Либо: школа/ПТУ—молодежная группировка—зона—рецидив—бичевание или профессиональная преступность. Другой пучок составляли карьеры с более высокими статусами. Школа—суз (среднее специальное учебное заведение), вуз—руководящая работа. Разумеется, между ними существовали промежуточные формы: ПТУ—суз—работа на производстве, и что важнее — переходные варианты. Переходы могли быть как нисходящей, так и восходящей направленности. Скажем, переход армия—вуз означал возвышение карьеры.

Отметим, что для социализации в мужскую социальную роль основного типа были необходимы неформальные структуры, которые чаще существовали внутри формальных институтов (как дедовщина в армии, закон в зоне, группировки в ПТУ), и много реже — вне их (как территориальные молодежные группировки). Там молодые люди осваивали мужской язык, мужские наркотики, внутримужской силовой тип взаимоотношений и построения внутригрупповой структуры. Там формировались представления о ценностях личности, человеческой жизни, а также о принципах солидарности, лояльности.

Сегодня можно констатировать изменения внутри каждого из названных пучков траекторий, и главное, изменение соотношений между ними. Вариант, представленный выше как основной, потерял свои мейнстримные позиции и сегодня считается одним из маргинальных. Одной из причин этого является кризис производства, сокращение как числа предприятий и рабочих мест, так и заработков в промышленном секторе. Движение сына рабочего по этой карьерной траектории ныне не обеспечит сохранения уровня жизни семьи.

Заменителем производства на этом жизненном маршруте стала сфера услуг, возникшая как главная часть среднего и малого биз-

неса. Исполнительная должность в этой сфере может теперь приносить доход, сравнимый с доходом рабочего в предыдущие десятилетия. Но по числу мужских рабочих мест сфера услуг еще не полностью заменила промышленность.

Свои изменения претерпела и совокупность низовых карьерных путей. Прежде всего надо отметить появление так называемого силового предпринимательства. Речь идет о вооруженных или иным образом подготовленных к организованному применению насилия формированиях. Это оргпреступные группировки, мафия, а также охранные агентства, службы и т.п.

В принципе эти предприятия можно отнести к сфере услуг и к области бизнеса. Важно отметить, что молодежные группировки и подобные им институты социализации получили для своих членов ясную и институционально крепкую карьерную перспективу в виде организаций силового предпринимательства. Язык отметил это снятием осуждающей окраски со слова "бандит". Теперь оно означает скорее род занятий, нежели их противозаконность. Кроме того, появились и синонимы, играющие с позитивной семантикой, вроде слова "бойцы" для обозначения рядовых членов подобных силовых предприятий. Наконец, весьма важно, что заработки на массовых позициях в этой сфере стали выше, чем в промышленности.

Еще одной новацией стало появление малого и среднего бизнеса как варианта карьеры для молодого мужчины. Специальные навыки, которые требуются для движения по этому карьерному эшелону, не сконцентрированы ни в каком социализационном институте. Школы бизнеса, курсы предпринимателей, бизнес-инкубаторы распространяют знания, приемы поведения, но не могут транслировать соответствующую субкультуру. У торговых народов (в случае Центральной России это прежде всего выходцы из Закавказья и Северного Кавказа) подобная социализация совершается в рамках семьи и других родственных структур.

Однако самые главные события происходили в области биографии и карьеры, связанной с высшим образованием: этот пучок маргинальных карьер с роли удела образованного меньшинства сдвинулся на стрежень (мейнстрим) социального развития. Получение высшего образования, как показывают многочисленные исследования ВЦИОМ, стало расцениваться как норма в тех слоях, которые еще несколько лет назад не рассматривали подобную карьеру как "свою".

Встречные тенденции в динамике населения в "учебном" возрасте, с одной стороны, и в числе "учебных мест" в вузах — с другой, вот-вот приведут к их равновесию, когда все желающие поступить в вуз смогут в него поступить. Но особенность нынешнего времени состоит в том, что высшее образование стало считаться всеобщим средством карьерного продвижения.

Подобная перемена со средним образованием произошла в совершенно иных условиях. Оно было сделано всеобщим по решению

властей и выступало для обучающихся как бесплатное. Высшее же образование приобрело названный статус "в публице" именно тогда, когда сделалось, по почти всеобщему мнению потребителей, платным и, более того, очень дорогим. Есть достаточно оснований говорить о том, что в каждом данном имущественном слое платежеспособный спрос на эту услугу находится на пределе возможностей населения.

Легче всего это показать на примере средне- и малоимущих сельских семей. За поступление в филиал некоего вуза им приходится платить стоимость теленка или — в других регионах -кабанчика. Выраженный в хозяйстве теленок или кабанчик — самое большое накопление, которое семья может сделать за год. В то же время, его отчуждение не подрывает хозяйство семьи, как это было бы при продаже коровы или свиньи. В последних двух случаях (с такими мы тоже знакомимся) внесение сверхвысокой платы является жестом отчаяния, реальной жертвой со стороны семьи. Как правило, такие жесты делаются в семьях, поставленных теми или иными обстоятельствами в маргинальные условия. В высокодоходных группах аналогичную роль играет внесение платы за обучение, существенно превышающей сбережения семьи.

Примечательно, что "покупка" образования, точнее, доступа к нему, требующая множества расчетов, рациональных действий и калькуляций, для абитуриентов и их семей в целом не выступает как приобретение выгоды. Семьи, вносящие плату за поступление и обучение своих детей в вузах (или других учебных заведениях, повышающих статус), знают, какие им предстоят расходы, но не могут ответить, когда они окупятся и окупятся ли вообще.

Анализируя ответы на подобный вопрос, мы пришли к выводу, что перед нами ценностно-рациональное действие. Во всех случаях присутствует ожидание, что за уплачиваемые родителями деньги ребенком будет приобретен не менее (или более) высокий, чем у родителей, статус, что само по себе представляет непререкаемую ценность. С высоким статусом ребенка могут ассоциироваться представления о так называемой "хорошей" зарплате, которая когда-то возместит понесенные расходы, но по степени просчитанности и в этом смысле — рационализированности — эти рассуждения не идут в сравнение с уровнем рационализации вопроса о плате за поступление и обучение. Далее выделяется группа "экзистенциальных" мотиваций. Для значительной части семей внести предельно возможную плату за обучение, "сделать все, что возможно", означает надлежащим образом исполнить свои родительские обязанности, представляющие в одном аспекте норму (с "встроенной" гратификацией за следование ей), а в другом — ценность данной социальной группы.

Следует иметь в виду, что, помимо возможной выгоды от повышения статуса, поступление в вуз может иметь целью избежание потерь. Речь идет о потерях, которые, по убеждению подавляющего

числа респондентов, связаны со службой сыновей в армии. Некоторые респонденты на вопрос о цене поступления в вуз отвечают: это *дешевле, чем откупить сына от армии*. На последнюю услугу, как нам сообщали, существует более или менее твердая такса. Но калькулируемой, выраженной в деньгах оценки возможных ущербов, а то и утрат, ассоциирующихся со службой в армии, родители, конечно, не производят. Они заведомо запредельны, неприемлемы.

Наконец, часть респондентов на вопрос о возможном возвращении вложений в образование ребенка отвечает: *"А мы и не ждем, что эти деньги нам вернутся. Вот у него (нее) будут свои дети, за них и заплатят"*. Это можно считать как образцом традиционалистского некалькулятивного подхода, так и вариантом ценностно-рационального действия, где акцентирована ценность воспроизводства не нуклеарной семьи, а рода и, что еще важнее, поддерживающего род нормативного строя.

Сказанное свидетельствует о высокой, порой предельной ценности образования детей для их родителей. Но не все абитуриенты и учащиеся интернализовали именно такое представление. Для многих из них получение высшего образования — просто норма, вид повседневного, неотмеченного поведения, что как раз и свидетельствует о социальном сдвиге.

Общество явно переходит в новую фазу. В связи с этим возникает вопрос: не станет ли система образования, сложившаяся в ответ на сегодняшнюю конъюнктуру, далее сама воспроизводить эту конъюнктуру, в очередной раз задерживая общество в так называемом переходном, далеко не самом лучшем, состоянии.